

О. А. МИНГЕЛА

Олег Андреевич Мингела, аспирант Донецкого
национального университета (г. Винница)

ЮРИДИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: КРИТЕРИИ ОБОСОБЛЕНИЯ

Теории правовых систем, их структурной характеристике, в частности, юридической деятельности как части юридической практики, правовая наука уделяет немало внимания.

Так, методологические и теоретические аспекты юридической деятельности, её соотношение с правовой деятельностью исследует С. Д. Гусарев¹; организационно-юридическую деятельность в структуре общей юридической деятельности обосновывает Б. В. Шагиев²; разграничение юридического и неюридического в социальной деятельности через критерий юстициальности анализируется в работах Г. Канторовича и Л. Фридмэна³; юридическую квалификацию как основное содержание юридической деятельности и юридической практики рассматривает С. Д. Шапченко⁴ и другие исследователи.

Вместе с тем, названные и многие другие направления исследования юридической деятельности, несомненно, имеющие весомое научное значение, всей её проблематики не исчерпывают.

В частности, к числу дискуссионных в правовой теории относятся вопросы, связанные с самим понятием юридической деятельности, её пределами, структурой, содержанием, субъектами, соотношением со смежными правовыми явлениями и т.д.

В этой связи целью настоящей статьи является уточнение понятия юридической деятельности и критериев её обособления.

Юридическая деятельность, как известно, ориентирована на противостояние хаосу в жизни общества в интересах защиты прав его членов и групп. Поэтому в социуме прежде всего формируется представление о том, что результат юридической деятельности достигается посредством реализации норм публичного (конституционного, административного, уголовного и т.д.) права с участием государства как некоей «надобщественной» структуры или же через осуществление своеобразного общественного компромисса. Однако реализации норм публичного права, как правило, предшествуют события, связанные с частным правом. Кроме того, последние далеко не всегда обуславливают необходимость привлечения публично-правовых норм. В этом смысле юридическая деятельность всегда означает определенный комплекс юридически значимых действий любых субъектов в сфере права, т.е. действий, осуществляемых правовыми средствами для достижения правового результата. Конечно, масштабность и характер этих действий весьма различаются. Например, правотворчество депутатов парламента, заключение гражданами гражданско-правовых сделок или субъектами хозяйствования – хозяйственных договоров, трудоустройство физических лиц, защита адвокатом подсудимого и т.д. Однако действия во всех случаях – это единственная деятельность, которая создает реальные связи между людьми и реализует человеческую множественность, особенность человеческого бытия в общественном пространстве⁵. При этом, «юридичность» юридической деятельности предопределяется отнюдь не субъектным составом, а обуславливается её уникальными качествами, отражающими природу, место, роль и назначение в правовой сфере⁶. «Юридичность» этой деятельности характеризуется прежде всего преимущественным использованием правовых средств при её осуществлении, определенной последовательностью действий (юридических процедур), наличием соответствующей программы действий и правовым значением этих действий и достигаемого результата. В литературе обоснованно отмечается, что результат деятельности, подтверждая её «юридичность», имеет двойственное значение. Во-первых, уже сами действия, составляющие деятельность, вносят определенные изменения, совершенствование в правовую сферу, во-вторых, в обществе складывается правопорядок, выстраивается система правоотношений, которые хотел бы видеть законодатель, принимая соответствующие правовые нормы⁷.

В американской доктрине еще в середине прошлого века был предложен иной критерий обоснования «юридичности» юридической деятельности. Г. Канторович назвал его юстициальностью, которая, по его мнению, выражает возможность принудительного правового решения, но не само реальное решение⁸.

Л. Фридмэн, конкретизируя указанный критерий, подчеркивает, что юридическая практика свидетельствует о большей эффективности угрозы судебного разбирательства по сравнению с самой судебной тяжбой. Это, в частности, подтверждается большим количеством мировых соглашений и подобных договоренностей частного порядка, поскольку все время, пока происходит «торг» по существу инцидента, в сознании сторон витает мысли о возможном решении суда, если стороны не достигают взаимного удовлетворительного соглашения⁹.

В этом смысле юстициальность выступает неким правовым оружием (своеобразным «Дамокловым мечом»), которое хранится в досягаемости до возникновения необходимости. Субъекты права, осознавая наличие данного «оружия», соблюдают правовой компромисс между интересами друг друга. Если же в отношении вступает субъект-правоприменитель, то его решения сопровождаются угрозой применения государственного принуждения. Конечно, на юридическом «поле» не происходит кровопролития, однако по

окончании судебного «спектакля» ответчик или подсудимый могут быть переданы «палачу» для реализации этого принуждения¹⁰.

В контексте изложенного юстициабельность, несомненно, предопределяет «юридичность» юридической деятельности, но вместе с тем юстициабельность вряд ли можно назвать единственным (или хотя бы основным) показателем юридического.

Так, многие отношения в частноправовой сфере не предполагают государственного принуждения, а утрачивают или не приобретают юридическую форму. Например, отсутствие соответствующей квалификации, необходимых медицинских показаний и т.п. приводят к невозможности трудоустройства физического лица на определенную должность; несогласие сторон о цене сделки делает невозможным её заключение и т.д. При этом и сам факт участия в отношениях сделки субъекта-правоприменителя не может быть сведен лишь к угрозе государственного принуждения, а может быть связан с необходимостью подтверждения соответствующих прав и обязанностей и их осуществления (каковым, в частности, является нотариальное удостоверение сделок и др.).

Кроме того, когда в правосознании формируется значение права как средства государственного воздействия на окружающую социальную среду, то в этом случае, собственно, содержание права как права субъективного теряется. Как отмечает Н. И. Матузов, без права, вне права свобода оказывается пустым звуком, нереализованной и незащищенной. Именно в качестве свободы, а не в качестве инструмента властвования и принуждения право необходимо человеку¹¹.

В литературе также обосновывается необходимость структурной характеристики юридической деятельности. Так, Б. В. Шагиев выделяет из всего массива юридической деятельности «организационно-юридическую», исходя из специфического предмета последней. Специфика предмета организационно-юридической деятельности предопределяется её целью: организацией и контролем за всей остальной юридической деятельностью посредством принятия правовых норм и актов индивидуального характера. При этом к свойствам, обособляющим организационно-юридическую деятельность, по мнению автора, относятся:

- исключительный и уполномоченный субъект, действующий согласно наделенной компетенции;
- непосредственная или опосредованная связь с принятием юридического решения;
- юридически значимые результаты;
- публичность юридического решения;
- процессуальная последовательность;
- использование приемов и средств юридической техники¹².

Приведенная точка зрения представляется спорной, поскольку обособление организационно-юридической деятельности согласно указанным её свойствам во многом совпадает с характеристикой юридической деятельности в целом.

Кроме того, принятие правовых норм по своей природе является правообеспечительной юридической деятельностью, и в силу этого не столько организует, сколько обеспечивает функционирование правовой системы, формируя основу для осуществления юридической практики. В этом контексте организующее начало заложено в профессиональной юридической деятельности, так как юристы содействуют правильному выбору соответствующих правовых средств и эффективному их использованию.

Принятие актов индивидуального характера по своей сути выражает правовое закрепление достигаемого субъектами юридической деятельности результата (например, гражданско-правовые договоры – это индивидуально-правовые акты), а в случае необходимости государственно-властного подтверждения этих результатов принимаются индивидуальные правоприменительные акты. Тем самым в обществе формируется система надлежащих правоотношений, правопорядок и социально-правовой опыт как сумма результатов юридической деятельности и реализованной юридической практики.

С этой точки зрения организация и контроль могут быть обозначены как функции профессиональной юридической деятельности, поскольку юристы, оказывая соответствующую правовую помощь (например, консалтинг) и непосредственно участвуя в юридических процессах (адвокаты, судьи и т.п.) поддерживают должное состояние правового пространства и корректирует правовую жизнь общества.

Таким образом, юридическая деятельность является самостоятельным видом социальной деятельности, осуществляется различными субъектами (в том числе юристами) в сфере права и представляет собой систему юридически значимых действий, направленных с помощью правовых средств на достижение правового результата.

Профессиональная юридическая деятельность опосредует всю юридическую деятельность, организует, содействует, контролирует, непосредственно участвует в решении юридических дел, ориентирует субъектов юридической практики на её эффективное осуществление и выполняет интегрирующую роль в функционировании целостной правовой системы.

¹ Гусарев С. Д. Юридична діяльність: методологічні та теоретичні аспекти / С. Д. Гусарев. – К. : Знання, 2005. – 375 с.

² Шагиев Б. В. Юридическая деятельность в современном российском обществе (теоретико-правовой аспект) : дисс. ... канд. юрид. наук : спец. 12.00.01 / Шагиев Булат Васильевич. – М. : Российская правовая академия, 2003. – 154 с.

³ Kantorowicz H. The Definition of Law / H. Kantorowicz. – Cambridge: Cambridge at the University Press, 1958. – 112 p.; Фридман Л. Введение в американское право / пер. с англ. под ред. М. Калантаровой. – М. : Прогресс, 1992. – 286 с.

⁴ Шапченко С. Д. Юридична кваліфікація як соціально-правове явище та деякі її загальнотеоретичні аспекти / С. Д. Шапченко // Вісник Академії адвокатури України. – 2010. – № 1. – С. 135–138.

⁵ Михалкин Н. В. Человек как субъект деятельности. Введение в обществознание : учеб. пособ. / В. П. Лютый, В. П. Лютый, Б. Н. Мальков, Н. В. Михалкин и др. – М. : Юрайт, 2002. – 262 с.

⁶ Жалинский А. Э. Введение в специальность «Юриспруденция». Профессиональная деятельность юриста: учеб. / А. Э. Жалинский. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Проспект, 2009. – С. 40.

⁷ Социология права : учеб. пособ. / В. М. Сырых, В. В. Глазырин, Ю. И. Гревцов и др.; под ред. В. М. Сырых. – М. : Юрид. дом «Юстицинформ», 2011. – С. 166–167.

⁸ Kantorowicz H. Указ. соч. – С. 78.

⁹ Фридман Л. Указ. соч. – С. 63–64.

¹⁰ Пашин С. А. Проблемы доказательственного права / С. А. Пашин // Судебная реформа: юридический профессионализм и проблемы юридического образования. Дискуссион. – М. : Международный комитет содействия правовой реформе, 2005. – С. 69.

¹¹ Матузов Н. И. Право как мера свободы и ответственности личности / Н. И. Матузов // Атриум. – 2009. – № 1. – С. 21.

¹² Шагиев Б. В. Указ. соч. – С. 25–26.

Резюме

Mingela O. A. Юридична діяльність: критерії відокремлення.

У статті досліджуються питання визначення юридичної діяльності як відокремленого виду соціальної діяльності.

Уточнюються властивості (критерії), що обумовлюють таке відокремлення, обґрунтовується співвідношення «юридичності» діяльності та її юстиціабельності. Зазначається недостатність юстиціабельності, заснованої на державному примусі, для визначення діяльності як юридичної, підкреслюється значущість приватноправової сфери діяльності та її публічно-правової складової юридичної діяльності.

Ключові слова: правова система суспільства, юридична практика, юридична діяльність, організаційно-юридична діяльність, юридичність, юстиціабельність, державний примус.

Резюме

Mingela O. A. Юридическая деятельность: критерии обособления.

В статье исследуются вопросы определения юридической деятельности как обособленного вида социальной деятельности.

Уточняются свойства (критерии), обуславливающие такое обособление, обосновывается соотношение «юридичности» деятельности и её юстициабельности. Отмечается недостаточность юстициабельности, основанной на государственном принуждении, для определения деятельности как юридической, подчеркивается значимость частноправовой сферы деятельности и её публично-правовой составляющей юридической деятельности.

Ключевые слова: правовая система общества, юридическая практика, юридическая деятельность, организационно-юридическая деятельность, юридичность, юстициабельность, государственное принуждение.

Summary

Mingela O. Legal activity: criteria of separation.

The article examines the issues of determining the legal activity as a separate type of social activity.

The properties (criteria) of this separation are being defined, also there are arguments for connection between lawfulness and what one considers justiciable. The failure of justiciability determined through state coercion only is being stated; for determination matters of activity as legal an emphasis on the importance of private spheres of activity and its public law counterparts in legal activity is being made.

Key words: legal system of society, law practice, legal activities, organizing legal activities, lawfulness, justiciability, state coercion.

УДК 340.1

М. В. ОСЯДЛА

Марія Володимирівна Осядла, аспірантка Інституту держави і права ім. В.М. Корецького НАН України

ПРАВОВА СВОБОДА ЯК ФУНДАМЕНТАЛЬНА ЗАСАДА ПОБУДОВИ ГРОМАДЯНСЬКОГО СУСПІЛЬСТВА

Свобода – це складне, багатоаспектне явище, що становить основу буття людини, прагнення до якої є одним з головних чинників генези свободи та права як суспільного інституту¹. У науковій літературі свободі здебільшого розуміють як загальний спосіб прояву активності суб'єкта, що полягає у здійсненні особистого вибору цілей діяльності, а також засобів та способів їх реалізації². Однак для належної (реальної), а не декларативної реалізації цілей (можливостей) людини виникає необхідність гарантування свободи правом.